

Рязанов Даниил Сергеевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры психологии
Дагестанского государственного технического
университета

Курбанов Роберт Шабанович

младший научный сотрудник
Северо-Кавказского научного центра высшей школы
Южного федерального университета

**ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА
И ОРГАНИЗАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА: ДИНАМИКА
И МЕТАМОРФОЗЫ, ТИПОЛОГИЯ
И СТРУКТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ЭЛЕКТРОННЫХ БАЗ ДАННЫХ
ТЕРРОРИЗМА) [1]**

Аннотация:

В статье на основе крупных электронных баз данных изучения терроризма делается попытка выявления наиболее распространенных на постсоветском пространстве типов терроризма, крупных организационных форм, установления стратегических ориентиров основных акторов террористической активности и их тактических приоритетов. По результатам исследования осуществлено описание трендов терроризма, его идеологических метаморфоз, произведена типологизация основных субъектов терроризма.

Ключевые слова:

терроризм, электронные базы данных изучения терроризма, виды терроризма, националистический терроризм, джихадистский терроризм.

Ryazanov Daniil Sergeyeovich

PhD in Philosophy,
Assistant Professor,
Psychology Department,
Dagestan State Technical University

Kurbanov Robert Shabanovich

Junior Research Associate,
North Caucasus Research Center of Higher School,
Southern Federal University

**THE TERRORIST COMMUNITIES
AND ORGANIZATIONS OF
THE FORMER SOVIET UNION:
DYNAMICS AND METAMORPHOSIS,
TYPOLOGY AND STRUCTURE
(BASED ON ELECTRONIC DATABASES
OF TERRORISM) [1]**

Summary:

Based upon the largest electronic databases of terrorism, the article considers the most common types of terrorism, major organizational forms, strategic goals of the main actors of terrorist activities and their tactical priorities in the former Soviet Union. Following the research results the authors describe the trends of the terrorism, its ideological metamorphosis, present classification of the main actors of terrorist activity.

Keywords:

terrorism, electronic databases of terrorism, types of terrorism, nationalist terrorism, jihadist terrorism.

Терроризм является одной из наиболее обсуждаемых проблем современности. При этом высокая интенсивность общественных и специально-научных дискуссий по данной тематике, очевидно вызванная все возрастающим в глобальном масштабе влиянием терроризма на социальные процессы, до настоящего времени не позволила ни сформировать целостную теорию такого комплексного гетерогенного феномена, как терроризм, ни обосновать не вызывающий полемики среди экспертного сообщества универсальный набор средств преодоления упомянутого негативного социального явления, ни даже сдержать его стремительный рост и качественное усложнение.

Данные обстоятельства парадоксально сочетаются с ситуацией постоянно нарастающего внимания отечественного научного сообщества к проблематике терроризма, которая превратилась из достаточно маргинальной (в начале 1980-х гг., в частности, советский исследователь А.С. Грачев достаточно скептически писал о «террологии» буржуазных стран, якобы стремившейся закамуфлировать различия между насилием революционным, прогрессивным и насилием реакционным [2, с. 7]) в устойчивую область исследовательского интереса. По различным аспектам данной темы в России были защищены несколько сотен диссертационных работ (электронный каталог диссертаций Российской государственной библиотеки содержит сведения о более чем 280 диссертациях, содержащих в названии термин «терроризм»), многие из которых внесли достойный вклад в изучение криминалистических характеристик терроризма, его теоретическое осмысление, разграничение его дискурсивных рамок.

Однако, несмотря на значительные отличия работ, вызванные дисциплинарной спецификой и исследовательским ракурсом, общим для большей их части качеством является отсутствие внимания к наработанным зарубежным обществоведением количественным методам изучения

терроризма с использованием электронных баз данных, первые специализированные образцы которых стали использоваться еще в 1970-е гг. [3; 4].

Испытывая очевидный дефицит эмпирических данных, непосредственно отражающих террористическую активность, исследователи вынужденно обращались практически исключительно и в достаточно ограниченных масштабах к ведомственной статистике, фрагментарно представленной, по определению ангажированной и далеко не всегда способной в полной мере обеспечить решение исследовательских задач, направленных на осмысление столь сложных, социально болезненных и политически неоднозначных вопросов, как терроризм, экстремизм и противодействие им. (Разнообразные примеры недочетов ведомственных данных на примере проблем национализма и ксенофобии, политического радикализма приводятся в публикациях Информационно-аналитического центра «Сова», пытающегося наладить ведение собственной вневедомственной общественной статистики «преступлений ненависти» и судебных процессов по подобным делам [5].)

В то же время именно использование количественных методов лежит в основе критериев научного знания, составляет сердцевину современной научной парадигмы. Применение количественных методов, статистического инструментария на фактологической основе электронных баз данных терроризма в зарубежном исследовании позволило, с одной стороны, показать необоснованность ряда положений, рассматривавшихся до того как априорные истины, а с другой, выдвинуть ряд достаточно интересных гипотез.

В частности, А.Б. Крюгер и Ю. Малекова обосновывали отсутствие тесной связи между экономическими условиями и терроризмом (как и Дж.А. Пиацца [6]), а также обнаружили, что низкий уровень дохода не коррелирует с терроризмом в условиях надлежащего обеспечения реализации гражданских и политических прав [7]. У. Эндерс и Г.А. Хувер доказывали нелинейность корреляции между уровнем дохода и поддержкой терроризма, которая более часто отмечается в случае средних доходов [8]. Обобщающее исследование М. Газебнера и С. Лючингера [9] показало, что для стран, являющихся жертвами терактов, объем ВВП на душу населения, численность населения представляют собой положительные детерминанты терактов, в то время как обеспечение экономических свобод и прав человека являются негативными детерминантами этих атак [10]. Математически обосновывается тезис о том, что победить терроризм путем вооруженного противодействия достаточно маловероятно (по подсчетам исследователей корпорации «Рэнд» С. Джонса и М. Либки, проанализировавших жизненные циклы почти 650 террористических организаций, только 19 % подобных структур были уничтожены вооруженной силой, 25 % добились победы, 50 % прекратили свою деятельность лишь после достижения соглашений с официальными властями [11]).

В большинстве случаев эмпирической базой указанных исследований становились такие электронные базы данных, как Global Terrorism Database (Университет Мэриленда) [12] и RAND Database of Worldwide Terrorism Incidents (Корпорация «Рэнд») [13; 14].

Идея использовать упомянутый инструментарий для исследования процессов в России, иных государствах постсоветского пространства предопределила ракурс данной работы, в качестве цели которой было определено: осуществить на основе крупных баз данных, в том числе реализуемого с участием авторов данной статьи проекта «Терроризм на постсоветском пространстве, 1991–2014 гг.» (далее – ТПП), выявление наиболее распространенных на постсоветском пространстве типов терроризма, крупных организационных форм, установить стратегические ориентиры основных акторов террористической активности и их тактические приоритеты.

Электронные базы данных фиксируют циклическую динамику терроризма на постсоветском пространстве (см. рис. 1). Можно говорить о выявлении следующих всплесков террористической активности, сменяемых периодами относительной стабилизации: 1) 1991–1993 гг.; 2) 1995–1996 гг.; 3) 1999 г.; 4) 2002 г.; 5) 2004 г.; 6) 2008–2011 гг.; 7) 2014–2016 гг.

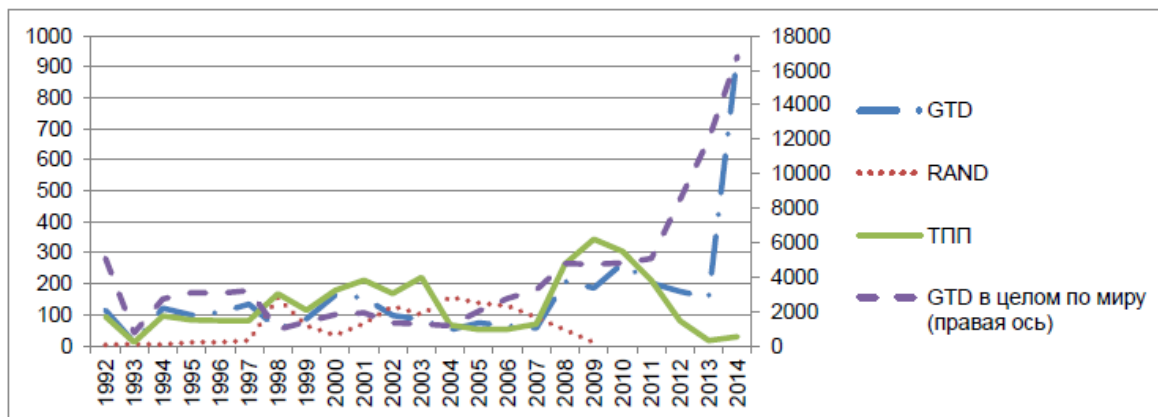
При этом стоит отметить, что определенная стабилизация ситуации с терроризмом, отмечавшаяся последние десятилетия на постсоветском пространстве, не в полной мере совпадает с общемировыми показателями, согласно которым террористическая активность значительно возросла количественно и расширила географический ареал.

Анализ географической распространенности террористической активности показывает, что только первый цикл имел транснациональный характер, представляя собой, вероятно, агонию умирающего советского общества, разрываемого различными конфликтами.

Каждый последующий всплеск терроризма имел в случае постсоветского пространства весьма конкретную государственную прописку. До 2014 г. основная часть террористических актов на постсоветском пространстве локализуется на территории России (см. рис. 2).

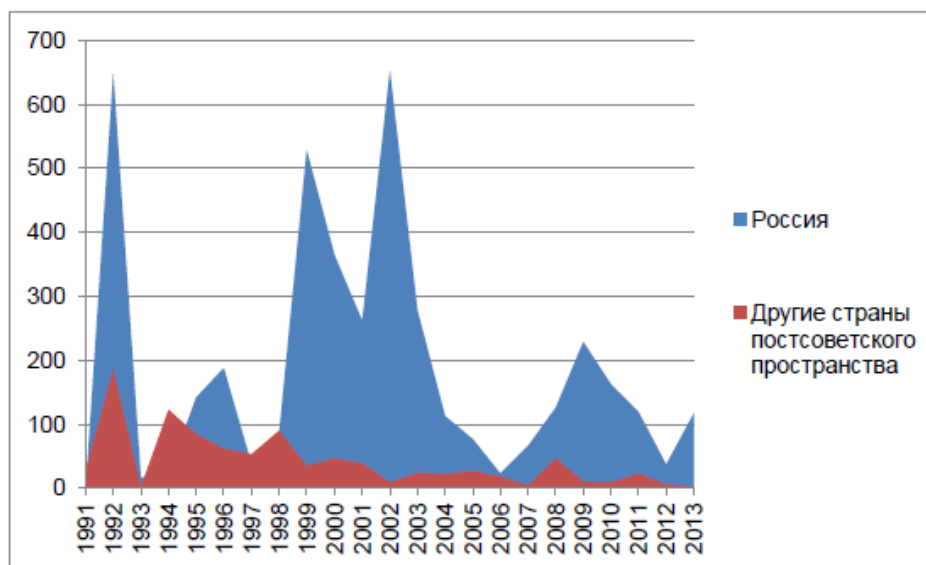
Темпоральный анализ подобных событий, произошедших в России, позволит наиболее отчетливо выявить волновую динамику интересующего социального феномена и очертить возможный круг связанных с ним событий. Изучение показателей ежегодного количества жертв террористической активности позволяет выявить четыре волны терроризма в России: 1) волна 1992 г.,

связанная с осетино-ингушским конфликтом; 2) волна 1994–1996 гг. укладывается в хронологические рамки Первой чеченской войны; 3) волна 1999–2004 гг., основное число событий которой также происходили из Второй чеченской войны в Чеченской Республике, но происходили и на территории иных регионов России; 4) волна 2008–2011 гг., в ходе которой вслед за относительной стабилизацией ситуации в Чеченской Республике основными театрами террористической активности стали республики Дагестан и Ингушетия. При этом в качестве одной из очевидных тенденций терроризма видится его постепенное пространственное сжатие до локализации в пределах северокавказских республик.

Рисунок 1 – Динамика погибших в результате терактов на постсоветском пространстве, 1991–2014 гг. *

* RAND Database of Worldwide Terrorism Incidents доведена до 2009 г. Показатели для Украины за 2014 г. в базах проекта «Терроризм на постсоветском пространстве, 1991–2014 гг.» (ТПП) полностью не разнесены в силу методологической неоднозначности отнесения всех событий, связанных с политическим насилием на Украине, к терроризму из-за неоднозначности произошедшего, скрупулезному анализу которого препятствует малый объем времени, прошедшего с событий Евромайдана и становления самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик.

Рисунок 2 – Волны террористической активности на постсоветском пространстве, 1991–2014 гг. *

* Подсчитано по численности погибших в результате терактов на основе ТПП.

Несмотря на то что относительная численность жертв терактов в России меньше, чем в некоторых других постсоветских государствах (см. табл. 1), именно Россия лидирует по показателям Глобального террористического индекса (ежегодно готовится Институтом экономики и мира, Сидней, Австралия) [15], при подсчете которого учитываются не только человеческие жертвы, но и экономические потери. Рассчитанный на основе данных исследования «Барометр

конфликтов» Гейдельбергского института изучения международных конфликтов суммарный показатель интенсивности конфликтов с участием России за 2015 г. (15 единиц) почти вдвое превышает средние показатели для постсоветских государств (аналогичный уровень конфликтности демонстрирует Украина) [16].

Таблица 1 – Соотношение количества терактов и погибших от них к численности населения в странах постсоветского пространства, 1992–2014 гг. *

Страна	Население, млн чел.	Теракты/население	Погибшие от терактов/население
Азербайджан	9,7305	5,24	17,99
Армения	2,9986	8,34	11,34
Белоруссия	9,4984	1,47	1,47
Грузия	3,7204	71,49	71,77
Казахстан	17,7532	1,63	1,13
Киргизстан	6,0086	5,49	6,16
Латвия	1,9588	9,19	1,53
Литва	2,8669	3,84	0,35
Молдавия	3,5531	6,47	5,63
Россия	146,5447	15,29	28,63
Таджикистан	8,5936	20,83	33,28
Туркменистан	5,4387	0,37	0,55
Узбекистан	31,807	0,59	1,51
Украина	42,4885	1,84	0,40
Эстония	1,3159	6,84	0
ИТОГО	294,2769	10,19	17,40

* Подсчитано по ТПП. В качестве итоговых для «Теракты/население» и «Погибшие от терактов/население» даются средние значения по региону. Серым выделены государства с превышением среднего значения показателя по региону.

В отличие от многих постсоветских государств, столкнувшихся с угрозой терроризма еще на стадии обретения современной государственности в 1991 г. или в периоды острых кризисов (гражданская война в Таджикистане 1992–1997 гг., вооруженные конфликты и перевороты в Грузии, Азербайджане, Киргизии, Молдавии и пр.), только в России проблема терроризма приобрела хронический характер, сохраняя болезненность на протяжении уже десятков лет, что поднимает вопрос относительно эффективности антитеррористической политики.

Определенной особенностью терроризма на постсоветском пространстве проступает его относительная анонимность, противоречащая, казалось бы, самой сути терроризма как внушающего страх метода повторяющегося политического насилия, достижение максимального эффекта которого предполагает публичность субъекта подобной деятельности. Для террористической активности, наблюдаемой на территории стран Западной Европы или США, характерна более высокая доля аффилированности с конкретной организацией или лицом, заинтересованным в медийной (а потому достаточно легко фиксируемой) публичности как предпосылке достижения поставленных целей. (В частности, по данным GTD, организаторы принимали на себя ответственность за почти 60 % терактов в Западной Европе и США, в случае постсоветского пространства – почти в два раза меньше, идентифицируется 29,3 %.)

Что касается постсоветского пространства, с одной стороны, террористическое насилие во многих случаях достаточно близко по признакам к общеуголовным проявлениям, когда целью является не создание атмосферы страха во всем обществе или принуждение к принятию тех или иных решений органами власти, а запугивание конкретного лица, группы лиц. С другой стороны, значительное количество акций, содержащихся в базах терроризма, представляют собой скорее события «асимметричных войн», «войн четвертого поколения», в которых в качестве цели ставится не просто нагнетание атмосферы страха, но нанесение ущерба силовым структурам противника.

Изучение целей операций инсургентов может быть рассмотрено в качестве подтверждения ранее приведенного тезиса о терроризме как элементе «асимметричных войн». Так, в случае причисляемых проектом GTD к террористическим организациям «Донецкой народной республики» и «Луганской народной республики» даже по достаточно ангажированным данным американских исследователей свыше 60 % операций указанных структур имели в качестве целей объекты силовых структур. В случае событий на территории Чеченской Республики в 1992–2009 гг. у различных организаций и сообществ, входивших в так называемые «Вооруженные силы Чеченской Республики Ичкерия», подобный показатель составлял менее 49 %. В случае, например, таких известных террористических организаций, как ЭТА (ETA – Euskadi Ta Askatasuna, «Страна басков и свобода»), РАФ (RAF – Rote Armee Fraktion, «Фракция Красной армии») или Красные бригады, данный показатель демонстрирует совсем иные значения (по данным GTD ЭТА – 34,7 %, РАФ – 29,5 %, Красные бригады – 22,7 %).

Аналогичная специфика терроризма на постсоветском пространстве подтверждается обращением к вопросу о наиболее опасных террористических организациях указанного географического ареала (см. табл. 2 и 3).

Таблица 2 – Организации, которым приписывается наибольшее количество терактов на территории постсоветского пространства, 1992–2014 гг., по GTD

Организации	Количество	
	Акции	Погибшие
Неизвестно	2 546	2 064
«Вооруженные силы Чеченской Республики Ичкерия»	334	1 736
«Донецкая народная республика»	325	1 005
«Луганская народная республика»	110	173
«Имарат Кавказ»	41	210
«Рияд ас-Салихин»	10	412

Таблица 3 – Организации, которым приписывается наибольшее количество терактов на территории постсоветского пространства, 1992–2009 гг., по RAND

Организации	Количество	
	Акции	Погибшие
Неизвестно	1 076	1 009
«Рияд ас-Салихин»	12	514
«Исламское движение Узбекистана»	6	16
«Дагестанская освободительная армия» Хаттаба	4	248
«Джамаат “Шариат”»	3	6
«Группа исламского джихада»	3	7

Анализ идеологических основ терроризма на постсоветском пространстве демонстрирует их значительные метаморфозы. Если в начале – середине 1990-х угроза наибольшей степени исходила от националистических (этносепаратистских) группировок, то уже ко второй половине десятилетия основным вызовом системе безопасности стал джихадистский терроризм (см. рис. 3). При этом подобные тенденции, отмечающиеся на территории постсоветского пространства, повторяют глобальные тенденции, фиксируемые исследователями на протяжении достаточно продолжительного периода времени [17].

Рисунок 3 – Динамика идеологических ориентиров субъектов террористической активности в России, 1992–2014 гг. (по количеству акций) *

* Подсчитано по количеству организованных терактов на основе ТПП.

Определенным исключением из общего ряда предстают события на Украине, окрашенные в цвета этнокультурного противостояния, наиболее крупного по масштабам среди европейских событий подобного рода в XXI в. с перспективой повторения нагорно-карабахского сценария замораживания конфликта.

Отмечаемые изменения идеологической принадлежности террористических групп в некоторой степени соответствуют проявляющейся в глобальном масштабе закономерности относительно того, что подобные организации в странах с высоким уровнем жизни гораздо более вероятно будут разделять ультралевые или националистические установки, нежели религиозные [17].

Сопоставление активности организаций показывает, что отнесение их к различным идеологическим направлениям слабо связано с избранием той или иной тактической модели. В то же время сами тактические модели могут достаточно серьезно различаться в зависимости от социально-политического контекста. Достаточно ярким примером подобного является *modus operandi* ячеек террористической организации «Имарат Кавказ», который в случае некавказских регионов предпочитал организацию терактов против мирного населения, а в северокавказских республиках – посягательства на сотрудников силовых структур, чиновников.

Одним из немногих отличий тактики террористических организаций различных идеологических окрасов является использование террористов-смертников, которые в случае постсоветского пространства получили распространение практически только у джихадистов (79 акций с примерно 560 погибшими, что превышает показатель в 90 % от общего количества событий с участием смертников на постсоветском пространстве). При этом в глобальном масштабе подобных тенденций достаточно отчетливо не фиксируется.

Полноценный перевод на научную основу изучения терроризма требует наличия построенной на объемном эмпирическом материале возможности решения аналитических задач по выявлению общих, особенных и единичных черт террористической активности на постсоветском пространстве, в иных регионах мира, ее типологизации, которая не просто позволит сгруппировать элементы объема понятия «терроризм», но окончательно засвидетельствует внутреннюю гетерогенность данного явления, его многокомпонентность и многофакторность. Фиксируемые различия в стратегии и тактике террористических организаций, зависимость моделей их деятельности от общесоциального контекста позволяют глубже продвинуться в понимании сущности данного негативного социального феномена, наметить новые исследовательские вехи, способные в перспективе обеспечить доскональное выявление глубоких закономерностей терроризма, а значит, сделать большой шаг вперед в направлении преодоления данной угрозы безопасности.

Ссылки и примечания:

1. Статья выполнена в рамках реализации гранта РФФИ № 15-37-01201 «Терроризм на постсоветском пространстве, 1991–2014 годы».
2. Грачев А.С. Политический экстремизм. М., 1986. 271 с.
3. Рязанов Д.С., Охрименко А.В. Использование электронных баз данных в исследовании терроризма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61) : в 3 ч. Ч. II. С. 172–176.
4. Bowie N.G., Schmid A.P. Databases on Terrorism // The Routledge Handbook of Terrorism Research / ed. by A.P. Schmid. New York, 2011. P. 294–354 ; Sheehan I.S. Assessing and Comparing Data Sources for Terrorism Research // Evidence-Based Counterterrorism Policy / eds. C. Lum, L. Kennedy. New York, 2012. P. 13–40.
5. Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2015 году [Электронный ресурс] : сб. ежегод. докл. Информ.-аналит. центра «Сова» / под ред. А.М. Верховского. М., 2016. 156 с. URL: <http://www.sova-center.ru/files/books/pr16-text.pdf> (дата обращения: 02.11.2016).
6. Piazza J.A. Rooted in poverty? Terrorism, poor economic development, and social cleavages // Terrorism and Political Violence. 2006. Vol. 18, iss. 1. P. 159–177.
7. Krueger A., Maleckova J. Education, poverty, and terrorism: Is there a causal connection // Journal of Economic Perspectives. 2003. Vol. 17, no. 4. P. 119–144.
8. Enders W., Hoover G.A. The nonlinear relationship between terrorism and poverty // American Economic Review. 2012. Vol. 102, iss. 3. P. 267–272.
9. Gassebner M., Luechinger S. Lock, stock, and barrel: A comprehensive assessment of the determinants of terror // Public Choice. 2011. Vol. 149, iss. 3–4. P. 235–261.
10. Рязанов Д.С., Яхьяева У.С., Охрименко А.В. К вопросу об изучении социально-экономических факторов терроризма [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета : электрон. журн. 2015. № 4. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/724> (дата обращения: 01.11.2016).
11. Jones S.G., Libicki M.C. How terrorist groups end: lessons for countering Al Qa'ida. Santa Monica, 2008. 250 p.
12. Global Terrorism Database [Электронный ресурс]. URL: <http://www.start.umd.edu/gtd> (дата обращения: 02.11.2016).
13. RAND Database of Worldwide Terrorism Incidents [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rand.org/nsrd/projects/terrorism-incidents.html> (дата обращения: 02.11.2016).
14. Рязанов Д.С. Специализированные базы данных как инструмент изучения терроризма // Геополитика и безопасность. 2015. № 3. С. 100–105.
15. Global Terrorism Index [Электронный ресурс] // Сайт Института экономики и мира. URL: <http://www.visionofhumanity.org/#/page/indexes/terrorism-index> (дата обращения: 01.11.2016).
16. Conflict Barometer 2015 [Электронный ресурс] // Heidelberg Institute for International Conflict Research. URL: <http://www.hiik.de/en/daten/> (дата обращения: 02.11.2016).
17. Hoffman B. "Holy Terror": The Implications of Terrorism Motivated by a Religious Imperative [Электронный ресурс]. 1993. URL: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2007/P7834.pdf> (дата обращения: 02.11.2016) ; Ross J.I., Gurr T.R. Why terrorism subsidies: A comparative study of Canada and the United States // Comparative Politics. 1989. No. 21 (4). P. 405–426.
18. Jones S.G. Defeating Terrorist Groups: Testimony presented before the House Armed Services Committee, Subcommittee on Terrorism and Unconventional Threats and Capabilities on September 18, 2008 [Электронный ресурс]. P. 3. URL: <http://www.rand.org/pubs/testimonies/CT314.html> (дата обращения: 01.11.2016).

References:

- Bowie, N & Schmid, AP (ed.) 2011, 'Databases on Terrorism', *The Routledge Handbook of Terrorism Research*, New York, pp. 294–354.
- Enders, W & Hoover, GA 2012, 'The nonlinear relationship between terrorism and poverty', *American Economic Review*, vol. 102, issue. 3, pp. 267–272.
- Gassebner, M & Luechinger, S 2011, 'Lock, stock, and barrel: A comprehensive assessment of the determinants of terror', *Public Choice*, vol. 149, issue. 3–4, pp. 235–261.
- Grachev, AS 1986, *Political extremism*, Moscow, p. 271, (in Russian).
- Hoffman, B 1993, "*Holy Terror*": *The Implications of Terrorism Motivated by a Religious Imperative*, viewed 02 November 2016, <<http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2007/P7834.pdf>>.
- Jones, SG 2008, *Defeating Terrorist Groups: Testimony presented before the House Armed Services Committee, Subcommittee on Terrorism and Unconventional Threats and Capabilities on September 18, 2008*, p. 3, viewed 01 November 2016, <<http://www.rand.org/pubs/testimonies/CT314.html>>.
- Jones, SG & Libicki MC 2008, *How terrorist groups end: lessons for countering Al Qa'ida*, Santa Monica, p. 250.
- Krueger, A & Maleckova, J 2003, 'Education, poverty, and terrorism: Is there a causal connection', *Journal of Economic Perspectives*, vol. 17, no. 4, pp. 119–144.
- Piazza, JA 2006, 'Rooted in poverty? Terrorism, poor economic development, and social cleavages', *Terrorism and Political Violence*, vol. 18, issue. 1, pp. 159–177.
- Ross, JI & Gurr, TR 1989, 'Why terrorism subsides: A comparative study of Canada and the United States', *Comparative Politics*, no. 21 (4), pp. 405–426.
- Ryazanov, DS 2015, 'Specialized database as a tool for studying terrorism', *Geopolitika i bezopasnost'*, no. 3, pp. 100-105, (in Russian).
- Ryazanov, DS & Okhrimenko, AV 2015, 'The use of electronic databases in the investigation of terrorism', *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, no. 11 (61), in 3 parts., part II, pp. 172-176, (in Russian).
- Ryazanov, DS, Yahyaeva, US & Okhrimenko, AV 2015, 'On the question of the study of socio-economic factors of terrorism', *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*: magazine, no. 4, viewed 01 November 2016, <<http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/724>>, (in Russian).
- Sheehan, IS, Lum, C & Kennedy, L (eds.) 2012, 'Assessing and Comparing Data Sources for Terrorism Research', *Evidence-Based Counterterrorism Policy*, New York, pp. 13–40.
- Verkhovskii, AM (ed.) 2016, *Xenophobia, Freedom of Conscience and Anti-Extremism in Russia in 2015*: collection Inform.-analyte. center "Sova", viewed 02 November 2016, Moscow, p. 156, <<http://www.сова-center.ru/files/books/pr16-text.pdf>>, (in Russian).